УДК 9(575.1)
DOI: 10.24411/2311-603X_2021_3_86

М. И. Насруллаев

К вопросу о создании и расширении сети низовых организаций Компартии Узбекистана и их роли в укреплении командно-административной системы (1917–1937 гг.)[1]

Главный вопрос любого переворота — это вопрос о государственной власти. Формирование и сохранение такой власти невозможно без крепкой в организационном отношении, имеющей определенное влияние среди народных масс политической партии. Система государственного управления, возникшая в России после Октябрьского переворота, в исторической литературе называется по-разному: командно-административная система, советский тоталитаризм, большевистский насильственный строй, диктатура пролетариата и т. д. Следует иметь в виду, что дело не в названии, а в сути этого строя. Эта система, созданная В. И. Лениным, И. В. Сталиным и их единомышленниками, охватывала все стороны жизни и деятельности общества. Она формировалась постепенно, по мере укрепления власти большевиков и расширения их влияния. Но вместе с этим следует отметить, что основные ее контуры были заметны в большевистских властных структурах, созданных сразу после Октябрьского переворота 1917 г. Государственная власть, сформированная большевиками, не являлась диктатурой рабочих, как было ими объявлено. Ибо всем было известно, что большинство рабочих не были способны управлять не только

государством, но и осуществлять более близкую им работу, т. е. организовать производство. Поэтому установленная большевиками в стране власть на самом деле являлась диктатурой большевистской партии. Руководители партии сами признавали это еще в те времена. Например, один из лидеров большевиков Зиновьев на XII съезде РКП(б) заявил: «Установление диктатуры пролетариата в форме диктатуры нашей партии было абсолютной необходимостью»[2]. В Туркестане, так же как и в центре, решающую роль во властных органах играли большевики. Наряду с этим, если в центре к большевикам примкнули только левые эсеры, в сформированные государственные органы Туркестана в ноябре 1917 г. как союзники большевиков были включены вместе с левыми эсерами и меньшевики-максималисты.

Властные структуры, сформированные в Туркестанском крае, при осуществлении своей работы, так же как в центре, применяли методы принуждения и насилия. Карательные органы новой государственной власти получили право «преследовать и ликвидировать все контрреволюционные и саботажные попытки и действия по всей России, со стороны кого бы то они ни исходили»[3]. Выполнение такого рода указаний в Туркестане выражалось в ликвидации всех национальных политических партий, общественных организаций и запрете несоветских газет и журналов.

Вместе с этим их деятельность осуществлялась в иных условиях, чем в центральных районах России, поэтому несколько от них отличалась. Но по своей сути и эта система, созданная в Туркестане, также имела насильственный, тоталитарный характер.

Установленная в центре власть с самого начала была объявлена диктатурой пролетариата и означала насилие меньшинства над большинством. По этой причине она изначально была несправедливой властью. В этом смысле установленная власть в Туркестане по степени несправедливости в несколько раз превосходила центральную. Из официальных документов нам известно, что количество большевиков Туркестана в ноябре 1917 г. не превышало 40 человек. Да и они были исключительно европейцами. Представителей местного населения среди них вообще не было[4]. Поэтому если большевики в центре в первую очередь могли опираться на пролетарские слои населения, то большевики Туркестана могли уверенно делать ставку только на европейских рабочих. Среди местных рабочих поддержка у них отсутствовала. А количество европейских рабочих не доходило даже до 1% населения края[5].

Для получения поддержки местного населения в первые же дни после переворота большевики объявили «право наций на самоопределение» вплоть до отделения и создания самостоятельного государства. Но анализ их деятельности показывает, что в Туркестане большевики на самом деле и не думали претворять в жизнь этот в общем-то справедливый лозунг. Они проводили политику,

направленную на то, чтобы увековечить власть большевиков и укрепить колониализм уже на новой основе. Для достижения этой цели они насильственно подавили движение народа за достижение национальной независимости и проводили жесткую линию по вытеснению представителей местного населения из политической жизни края. Об этом свидетельствуют их действия по ликвидации «Туркестанской автономии» и организации резни населения Коканда в начале 1918 г.[6] Это и стало спусковым крючком для начала широкомасштабного вооруженного движения против советской власти в Туркестане. Ужесточение сопротивления вынудило твердолобых так называемых «старых большевиков» во главе с Тоболиным изменить политику в отношении местного населения и взять курс на его идеологическую обработку, удовлетворить определенные запросы в рамках большевистской стратегии и т. д. Создание Туркестанской автономной советской республики, привлечение местных кадров во властные структуры и другие мероприятия были осуществлены в рамках политики превращения неимущих слоев местного населения в союзников большевистской партии.

Одним из главных направлений укрепления власти большевиков являлось создание и организационное усиление партийных организаций коммунистов, особенно местного и первичного уровня. Как уже было отмечено, система государственного управления Туркестана была первоначально сформирована с участием представителей трех партий. Но уже тогда основные руководящие должности были подконтрольны большевикам. К лету 1918 г. коммунисты избавились от своих временных попутчиков и установили свое единовластие. К этому времени организационно были оформлены сначала Коммунистическая партия Туркестана (июнь 1918 г.), затем во всех областях, в большинстве городов и уездов местные партийные организации большевиков (сентябрь — декабрь 1918 г.)[7]. Начиная с этого времени был установлен непосредственный большевистский контроль над всеми органами государственной власти не только в центре, но и в областях, городах и уездных центрах края. Партийные организации в этот период не имели четкой структуры. Кроме этого, они имели различные названия. Например, членов Самаркандской парторганизации после вступления в нее значительной части самаркандской профсоюзной организации «Иттифок», состоявшей в основном из рабочих и ремесленников местных национальностей, по инерции среди местного населения стали называть «иттифаковцами»[8]. Зачастую созданные в крупных городах партийные организации не были разделены на группы и представляли собой единое целое. Такой, например, была Ходжентская организация, созданная в апреле 1918 г. По мере расширения коммунистических организаций и увеличения количества членов партии постепенно в их составе стали создаваться низовые организации. В первое время эти низовые организации друг от друга отличались и по структуре, и по названию. Они создавались в форме ячеек, коллективов, групп, секций, подотделов и т. д. Например, партийные группы Шураба, Исфары, «Санто»,

Махрама Кокандского уезда Ферганской области назывались до конца 1919 г. подотделами коммунистической партии[9]. Кроме этого, низовые партийные организации того периода не имели единой для всех структуры. Большевиками считались и те, которые объявляли себя их сторонниками. К примеру, большевистской называли Сулюктинскую организацию Ферганской области, состоящую из 20 членов партии и 30 сочувствующих[10].

Только в декабре 1919 г. на VIII Всероссийской конференции РКП(б) в уставе партии было закреплено общее наименование — «ячейка»[11].

К этому времени во многих крупных государственных, общественных учреждениях и промышленных предприятиях Туркестана были созданы первичные партийные организации, которые получили единое наименование — партийная ячейка. Их создание ускорилось после учредительного съезда Компартии Туркестана, открывшейся 17 июня 1918 г. Ко времени начала работы съезда по всему Туркестану имелись всего лишь 20 партийных организаций. Из них только 12 были представлены на съезде 43 делегатами. Да и количество коммунистов Туркестана тогда не превышало 1500 человек[12]. Малочисленность была отнюдь не самим существенным недостатком вновь созданной партии. Созданная большевиками практически сразу после установления своей власти, она была сформирована в основном малоопытными, с недостаточно высоким уровнем политической подготовки рядовыми членами. Кроме этого, абсолютное большинство членов этой организации были европейцами. Соответственно представителей местных национальностей было очень мало. Это обстоятельство предопределило слабое влияние партийных организаций на местное население.

Слабость влияния большевистской партии, особенно в начальный период ее существования, объяснялась отсутствием единства среди русскоязычного населения. Русская колония областей Туркестана, после национально-территориального размежевания вошедших в состав Узбекистана, распадалась на две основные группы. Первая группа состояла из чиновников, купцов и представителей интеллигенции; во вторую группу входили русские рабочие, главным образом железнодорожники. После Октябрьского переворота большевистская партия как правящая стала более привлекательной для многих. Поэтому в партию вступали представители обеих групп. Как свидетельствовал позже один из делегатов X съезда РКП(б), в партию в то время вступали представители всех слоев населения, даже те, которые большевиками считались «чуждыми элементами», как «коммунист батюшка, русский полицейский и семиреченский кулак, который еще до сих пор держит десятки батраков, имеет сотни голов скота и охотится на киргизов, как на дичь»[13]. Хотя эти слова относились к Семиреченской области, они были характерны для всех партийных организаций Туркестана. Такой пестрый состав в значительной степени способствовал сохранению среди партийцев высокомерного отношения к мусульманским народным массам и стремлению максимально

отстранить их от участия в делах управления. Но в то же время среди руководителей партии росло понимание, что без привлечения на свою сторону местного населения, особенно его беднейшей части, невозможно утвердить свое господство в крае. Поэтому уже на I Съезде Компартии Туркестана была поставлена задача усилить прием членов партии, уделяя больше внимания вовлечению представителей местного населения в партийные организации. Партийное руководство даже временно «забыло» правило о несовместимости религиозных убеждений с членством в партии. Ибо если бы они придерживались этого положения, то рисковали остаться практически без местных коммунистов. Благодаря такой политике количество партийных организаций резко возросло. Уже к концу 1918 г. их число довели до 180, из них свыше 70 на территории современного Узбекистана[14]. Большинство этих организаций функционировали в городах. Их наличие помогло большевикам установить контроль не только над государственными, но и над всеми советскими, профсоюзными, общественными и другими учреждениями.

К этому времени впервые стали появляться партийные организации, группы, которые состояли в основном из представителей местного населения. Ошская старогородская парторганизация Ферганской области, Янгикурганская, Митанская, Науканская, Пайшамбинская волостные парторганизации Каттакурганского уезда, Ургутская, Челекская парторганизации Самаркандского уезда относятся к их числу[15].

Как известно, большинство населения Туркестана в тот период проживало в сельских местностях. Большевики, утверждая свою власть в кишлаках, первоначально могли опираться только на советские органы. В то время коммунистов, если не считать отдельные исключения, вообще невозможно было встретить в кишлаках. Без формирования коммунистических организаций в кишлаках, установления с их помощью контроля над социально-экономическими, а также политическими процессами, протекавшими в этих регионах, и непосредственного руководства советскими общественными органами сельских местностей вообще невозможно было обеспечить большевистскую власть в Туркестанском крае. Поэтому и в сельских местностях Туркестана, как и в его городах, взяли курс на создание партийных организаций.

В отличие от городов, где существовало рабочее ядро, ставшее социальной базой партийных организаций, в кишлаках отправленные из центра для создания партийных организаций коммунисты столкнулись с большими затруднениями. Правда, первоначально сопротивление носило пассивный характер. Сельчане просто игнорировали предложения о вступлении в партию. Хотя рапорты о формировании низовых партийных организаций в кишлаках отправлялись в центр начиная с весны 1918 г., фактически их начали создавать только с августа того года. Эти организации начали возникать в кишлаках, расположенных вблизи крупных городов. Этот процесс усилился после получения циркулярного письма ЦК РКП(б) от 21 сентября 1918 г. о расширении сети партийных

организаций в сельских местностях. Например, только в Ташкентском уезде Сырдарьинской области к концу 1918 г. существовали 10 кишлачных низовых партийных организаций. Такие организации были созданы и в других областях Туркестана[16]. Но вместе с тем следует отметить, что большинство таких организаций существовало только на бумаге. Ибо в условиях массового вооруженного движения сопротивления советской власти, охватившего практически все регионы Туркестана, иначе просто не могло быть. Они сохранились только в считанных кишлаках, расположенных вблизи крупных городов.

Большинство рабочих, особенно из числа местного населения, работали на мелких кустарных предприятиях или трудились по найму в личных хозяйствах торговцев и местных баев. Многие из них к этому времени уже были объединены в профессиональные союзы. Партийное руководство Туркестана решило использовать это обстоятельство для существенного расширения партийных рядов. Во второй половине 1918 г. большинство созданных низовых партийных организаций возникли именно при профсоюзных организациях, получивших название партийных коллективов. Например, в Ташкенте партийные коллективы функционировали при профсоюзах металлистов, рабочих кожевенного и обделочного производства, печатного дела, домашних работниц, кондитеров, булочников и колбасников, безземельных рабочих мусульман, проводников и смазчиков вагонов, кондукторских бригад Ташкентского резерва, военно-народной охраны, служащих Ташкентской радиостанции и т. д.[17] Точно так же обстояли дела и в других регионах края. К примеру, в Коканде был организован партийный коллектив при профсоюзе рабочих и мастеровых всех отраслей, который затем распался на ряд союзов: банковский, печатников, государственных хлопко-маслобойных заводов и др.[18]

Центральное партийное руководство, увеличивая количество членов партии из рабочих, особенно из числа местного населения, рассчитывало не только расширить социальную и национальную базу партии, но и через них получить возможность оказывать влияние на трудовые коллективы. Но как раз с этим дело оказалось не на высоте. Коммунисты партийных коллективов при профсоюзах были слабо связаны со своими производственными коллективами, а зачастую не входили в состав своих районных организаций. Дело дошло до того, что членство в профсоюзной организации зачастую стали отождествлять с членством в партии. Например, на нефтепромыслах «Санто» было объявлено: «...нет места беспартийным у нас на промыслах». Это привело к поголовной записи в большевистскую партийную организацию беспартийных. Поэтому II Съезд КПТ, состоявшийся в декабре 1918 г., в резолюции «Об отношении к профессиональным союзам» указал, что «в каждом профессиональном союзе партия должна организовать свои ячейки, отнюдь не стремясь ни в коем случае отождествлять профессиональный союз с партией»[19].

Для усиления притока в ряды партии представителей местного населения использовались различные методы. Одним из них была отправка коммунистов

в города и районы, где наблюдалась слабая вовлеченность местных в партийные организации, с целью проведения агитационно-пропагандистской работы и создания партийных ячеек. 10 января 1919 г. Ферганский обком партии отправил коммунистов Эпштейна и Чернякова в Андижанский уезд и Джалалабадский район, Иминбаева в Ошский уезд, Шеблаева в город Скобелев[20]. Как видно, большинство отправленных были европейцами. Ибо и к этому времени, несмотря на массовый прием местных, в партийных организациях все еще доминировали европейцы. Если учитывать, что в тот период уровень образованности коммунистов оставлял желать лучшего и они в большинстве своем не владели языком местного населения, такие командировки не могли переломить ситуацию в пользу большевиков. Широкое развертывание вооруженного движения сопротивления весной 1919 г. свидетельствует, что влияние большевиков не выходило за пределы крупных городов Ферганской долины.

Подобные мероприятия проводились и в Самаркандской области. Здесь, правда, среди отправленных на места было много местных. В кишлаке Ходжа Ахрор Самаркандского уезда коммунистами-агитаторами в начале марта 1919 г. был организован митинг, где присутствовало 500 человек. Все присутствовавшие на митинге были записаны в протоколе собрания как сочувствующие коммунистам. Такой большой митинг в условиях кишлака можно было организовать только в мечети. Отсюда вывод: или митинг не охватывал такое количество людей, или все-таки он был проведен в мечети, что противоречило партийным установкам. Кроме этого, все присутствовавшие не могли лояльно относиться к большевикам. Ибо среди них с наибольшей вероятностью были представители различных слоев населения. Значит, можно предположить, что в протоколе собрания их записали в сочувствующие чисто формально[21].

Политика массового приема и создания партийных ячеек осуществлялось повсеместно. Например, в мае 1919 г. в районе Аральского моря были созданы две партийные ячейки — мусульманская, состоящая из 92 человек, и железнодорожная, в составе которой было 75 человек[22]. В деятельности ряда партийных организаций, особенно в кишлаках, практиковался коллективный прием в партию путем составления списков.

Массовый прием в партию уже к середине 1919 г. привел к сильному разбуханию Компартии Туркестана. Это признало даже ее руководство. Центральный комитет Компартии Туркестана в связи с этим вынужден был отметить, что наблюдался бурный численный рост «членов партии, измеряемых десятками тысяч там, где их могло быть в лучшем случае тысячи, если не сотни»[23]. В связи с этим начиная с 1919 г. стали осуществлять чистки в рядах партии. Первая чистка в Туркестане была осуществлена в форме перерегистрации. Но, несмотря на это, массовый прием в партию продолжался и в последующие годы. В то же время партийные чистки в различных формах также стали нормой. И они в первое время осуществлялись практически ежегодно. Например, в 1920 г. была осуществлена перерегистрация коммунистов, а в 1921 г. — чист-

ка. Через них прошли 73 299 коммунистов. Из них было исключено из партии или не явились на чистку 39 116 человек. Значит, в рядах партии должны были остаться около 34 тыс. человек. В 1922 г. была проведена партийная перепись, которая также играла роль чистки. После переписи в партийных организациях Туркестана остались 18 945 человек[24]. Это означает, что в ходе трех чисток из партийных организаций были выкинуты около 75% коммунистов.

В 1922 г. в Туркестане насчитывалось 995 партийных ячеек. Из них 568 (57%) были сельскими, 294 (30%) советскими, 51 (около 5%) военной, 38 (4%) фабрично-заводскими, 38 (4%) транспортными[25]. Как видно, в Туркестанской компартии в количественном отношении к этому времени уже доминировал дехканский состав. Низкий образовательный уровень, зачастую его полное отсутствие, заранее предопределяло большой процент отсева коммунистов во время чисток. Кроме большой текучести, эти чистки приводили и к ликвидации некоторых ячеек. Именно поэтому в различных партийных документах того времени сведения о количестве членов партии и партийных ячеек отличаются друг от друга.

Созданные в Туркестане низовые партийные ячейки были слабыми, маломощными организациями. А в организационном и общеобразовательном планах они были крайне отсталыми структурами. Но эти организации уже к началу 1920-х гг. сумели решить самую важную для большевиков задачу в Туркестане: установить контроль над деятельностью местных советов, создание хоть слабой, но все-таки поддерживающей советскую власть социальной базы среди местного населения. В дальнейшем именно оттуда большевики стали черпать национальные кадры для различных структур партийной и государственной власти в крае.

После подавления основных очагов сопротивления в Туркестане задачи укрепления советской власти и хозяйственного строительства на местах стали приоритетом для Компартии Туркестана. В выполнении этих задач большевистское руководство в первую очередь старалось опираться на партийные организации. В резолюции X съезда РКП(б) в связи с этим было отмечено: «Работа ячеек должна быть признана важнейшей отраслью партийной работы»[26].

Компартия с первых дней нахождения у власти сделала ставку на использование насильственных методов в деле «строительства социализма». В авангарде этой борьбы должны были идти партийные ячейки. ЦК РКП(б) в конце 1920 г. разработало специальную инструкцию для партийных ячеек, направленную на проведение всеобщей трудовой повинности, чтобы «разрозненные усилия отдельных коммунистов и партийных ячеек объединить общим планом и организацией»[27]. Но состояние партийных ячеек было таково, что они не могли самостоятельно выполнять роль такого авангарда. Анализ архивных документов того периода показывает, что многие секретари партийных ячеек занимались взяточничеством, злоупотребляли спиртными напитками и своим служебным положением[28]. Некоторые из них были не только неграмотными,

но даже не являлись членами партии[29]. Кроме этого, многие ячейки были слишком малочисленными для выполнения этой задачи. Так, в конце 1922 г. из 80 партийных ячеек Ферганской области 29 насчитывали в своем составе всего лишь до 10 членов партии[30]. В связи с этим было решено слить малочисленные ячейки с более крупными. К марту 1923 г. после такого слияния в Ферганской области остались 69 партийных ячеек. В среднем на каждую приходилось по 21 коммунисту.

В Самаркандской области не только были укрупнены маленькие партийные ячейки, но и за ними стали закреплять парторганизаторов. Например, партийные ячейки Самаркандского уезда были разделены на 6 зон по 4–7 ячеек в каждой, Каттакурганского уезда – на 4 зоны и т. д., к каждому из которых прикреплялись парторганизаторы. К концу 1922 г. после укрупнения по области насчитывалось 28 городских и 72 кишлачных партячейки, которыми руководили 17 парторганизаторов[31]. Парторганизаторы были назначены и в других областях. Мероприятия по укрупнению ячеек и созданию института парторганизаторов осуществлялись вместе с усилением роли партячеек в политической, хозяйственной, культурной жизни организаций. Это на деле фактически оборачивалось открытым вмешательством партийных ячеек в дела учреждений, организаций или хозяйствующих субъектов, где они создавались. Например, партийная ячейка Первомайских железнодорожных мастерских Новогородского района города Ташкента на своих заседаниях бюро и общих партийных собраниях наряду с вопросами партийно-организационного характера обсуждала хозяйственные, финансовые вопросы, связанные с деятельностью администрации[32]. Такое положение имело место и в других партийных организациях. Это говорит, что ячейки все более активно вмешивались в дела учреждений и стали выполнять несвойственные им до этого функции. Если до этого вмешательство большевистской партии в экономическую жизнь происходило на уровне государства, республик, областей и уездов, то начиная с 1920-х гг. в этой работе были задействованы и партийные ячейки.

Как уже выше отмечалось, советская власть была основана на применении насилия и называлась диктатурой пролетариата. Поэтому демократическим ценностям никакого внимания не уделялось. Но наряду с этим внутри самой партии, особенно в начальный период ее существования, элементы демократии сохранялись. Периодические заслушивания отчетов и выборы руководителей партийных организаций разного уровня относились к их числу. К сожалению, несмотря на закрепление в партийном уставе этой нормы, в условиях обострения вооруженной борьбы местного населения против советов в Туркестане часто отступали от этих требований и применяли метод кооптации, т. е. назначения. Эта практика продолжилась и после наступления мирного времени. Она даже была закреплена в партийных документах. Так, Ошская уездная партконференция (Ферганская область) 17 апреля 1924 г. в своем решении отметила, что, признавая в принципе выборность секретаря ячеек и вместе с тем учиты-

вая отсталость членов партии, можно допускать в необходимых случаях назначения таковых сверху[33]. Такого рода решения принимались в контексте все большей централизации власти. Это в первую очередь происходило в вертикали власти партийных организаций. Усиленная централизация стала частью постепенного укрепления командно-административной системы, формирование которой в этот период вступило в решающую фазу.

К этому времени, выполняя требование центра отдать предпочтение при приеме в партию выходцам из рабоче-дехканской среды, в Компартии Туркестана добились их перевеса в количественном отношении. Среди руководителей ячеек также наблюдалось их доминирование. Например, в Сырдарьинской области из 277 секретарей ячеек рабочие и крестьяне составляли 220 человек. Решения, принимаемые ими при обсуждении различных вопросов личностного характера, носили ярко выраженный классовый характер. Например, при проверке деятельности Зааминской партячейки Джизакского уезда Самаркандской области в ноябре 1924 г. выяснилось, что ячейкой неоднократно разбирались конфликтные вопросы между баями и батраками и ячейка всегда поддерживала только батраков[34].

Партийные ячейки Туркестана в основном создавались по территориальному принципу. Имеющиеся в ограниченном количестве ячейки, сформированные по производственному принципу, были созданы при больших предприятиях крупных городов Туркестана. Поэтому можно утверждать, что партийные ячейки компартии Туркестана создавались по территориально-производственному принципу. В отличие от этого низовые партийные ячейки Бухарской и Хорезмской коммунистических партий из-за малочисленности членов партии и отсутствия крупных предприятий создавались, за редким исключением, только по территориальному принципу. Многие ячейки объединяли коммунистов всего населенного пункта, независимо от их места работы.

В 1924 г. в Средней Азии было осуществлено национально-территориальное размежевание. В связи с этим начался новый этап партийного строительства в Средней Азии в целом и Узбекистана в частности. В состав Компартии Узбекистана, организационно оформленной в феврале 1925 г., вошли партийные ячейки, ранее включенные в Компартию Туркестана, Бухары и Хорезма. Они существенно отличались друг от друга по социальному составу, уровню образованности, организационному оформлению и другим показателям. Регионы, вошедшие в состав Узбекистана, можно условно разделить на две группы. В первую группу входили промышленно и культурно развитые Ташкентская, Ферганская и Самаркандская области. Они до этого являлись составными частями Туркестана. На 1 января 1925 г. в этих областях существовали 324 партийных ячейки, объединявших 14339 коммунистов. В Зеравшанской, Хорезмской, Кашкадарьинской и Сурхандарьинской областях, ранее входивших в состав Бухары и Хорезма и отнесенных во вторую группу, имелись 135 партийных ячеек, которые объединяли 2231 коммуниста[35]. Если в областях,

входивших в первую группу из 334 ячеек, рабочих ячеек было 80, сельских 144, учрежденческих и прочих 100, то в областях второй группы из 135 ячеек рабочими являлись 8 и сельскими — 29 ячеек[36]. Как видно из этих цифр, основу партийных организаций первой группы областей составляли рабочие и сельские ячейки. А костяк парторганизаций второй группы областей уже формировали учрежденческие и прочие ячейки. Несмотря на эти различия, все эти организации имели и ряд общих черт, главной из которых являлось то, что в общем и целом они создавались на основе требований устава ВКП(б). Поэтому все они стали частями единой республиканской партийной организации. Их сближало и то обстоятельство, что эти организации с самого начала своего существования входили в состав ВКП(б).

Проведение национально-территориального размежевания по времени совпало с переходом страны к развернутому «строительству социализма». Так как этот эксперимент осуществлялся насильственно и искусственно, вопреки законам общественного развития, возрастало значение субъективного фактора. В связи с этим большевистское руководство считало, что выполнение этой задачи возможно только при усилении роли коммунистической партии в политическом, экономическом и культурном строительстве. По тогдашним понятиям наиболее «сознательной» частью общества все еще оставался рабочий класс. Поэтому партийные организации получили указание о еще большем укреплении рабочего ядра партии. Хотя в годы нэпа несколько увеличился промышленный потенциал республики, она оставалась аграрной страной. Неразвитость промышленности Узбекистана затрудняла выполнение данного указания. Но несмотря на очевидность этой ситуации, в Узбекистане развернулась мощная кампания по усилению приема рабочих в партию. С 1 января 1925 по 1 января 1929 г. количество рабочих ячеек увеличилось с 88 до 209. Число коммунистов в этих ячейках за этот период также увеличилось с 6170 до 12 368 чел.[37]

В годы первой пятилетки, в ходе индустриализации в республике было построено большое количество промышленных предприятий. Это дало возможность еще увеличить прием рабочих в партию, и их количество достигло на 1 января 1933 г. 18 138 чел., состоявших на учете 320 промышленных и транспортных ячеек. А число коммунистов — рабочих по социальному положению к этому же времени составило 41 199 человек[38].

Увеличение числа рабочих ячеек и коммунистов в них дало возможность внести изменения в структуру низовых партийных организаций. Ибо заводские ячейки на некоторых крупных предприятиях стали слишком громоздкими. Еще до XVI съезда ВКП(б), состоявшегося в июне 1930 г., на крупных предприятиях Узбекистана уже существовало по нескольку партийных ячеек. По решению съезда при наличии коммунистов в каждом цехе стали создавать отдельные партийные ячейки. Создание таких ячеек позволило усилить партийный контроль на цеховом уровне. Но одновременно с этим, по мнению

руководителей партии, на заводском уровне могло ослабеть партийное руководство. Чтобы ликвидировать этот пробел на предприятиях, насчитывающих 1500 рабочих и служащих и 400 коммунистов, в соответствии с решением Средазбюро ЦК ВКП(б) (ноябрь 1930 г.) стали создаваться партийные комитеты.

Секретариат ЦК КП(б) Узбекистана принял постановление об организации заводских партийных комитетов в Красновосточных мастерских, ТашГЭСТраме, механических мастерских Главхлопкома в Ташкенте, на маслозаводе № 10 в Фергане, на шелкомотальных фабриках Маргилана, Самарканда, Бухары и на ряде других предприятий, а также предложил развернуть там сеть цеховых ячеек или партийных групп по цехам, сменам, бригадам. Всего по Узбекистану к январю 1931 г. было организовано 20 парткомов[39]. До создания парткомов партийные организации крупных предприятий существовали отдельно друг от друга. И это затрудняло осуществление непосредственного партийного контроля над деятельностью заводского руководства. Формирование парткомов не только объединило заводских коммунистов в одну организацию, но и облегчило осуществление централизованного в заводских масштабах и непосредственного партийного руководства над всеми сторонами жизни и деятельности завода. Вся эта работа осуществлялась вместе с усилением мобилизации рабочих-коммунистов на партийную, советскую и хозяйственную работу. Эти коммунисты выходили из учетной партийной категории рабочих по роду занятия, пополняли ряды служащих и колхозников по характеру своей деятельности. Но при этом оставались в учетной графе рабочих по социальному положению.

В связи с этим, несмотря на массовый прием в партию представителей рабочего класса, в конце 1920-х гг. наметилась тенденция снижения доли рабочих, непосредственно занятых на производстве, в партийных организациях Узбекистана. К примеру, в 1931 г. из 30 728 рабочих коммунистов по социальному положению только 11 304 являлись рабочими по роду занятий[40]. То есть 63% рабочих по социальному положению уже на производстве не работали. Это произошло в результате мобилизации большого количества рабочих-коммунистов в кишлаки для руководства коллективизацией, выдвижения их в партийный, советский и хозяйственный аппарат и отправления на учебу в вузы и техникумы. Эти мероприятия проводились для усиления рабочего ядра в управлении страной. Ведь партия не скрывала, что в осуществлении социалистического строительства она в первую очередь опирается на рабочий класс. Но на деле это зачастую приводило к отстранению от руководства грамотных, подготовленных, но «чуждых», по мнению коммунистического руководства, кадров. Сталин и его окружение такую политику проводили осознанно. Ибо им были нужны в первую очередь так называемые «солдаты партии», готовые беспрекословно выполнять указания партийного руководства.

Туркестан, Бухара и Хорезм являлись аграрным регионом. Большевистское руководство хорошо понимало место и роль дехканства в общественно-

политической и экономической жизни края. Поэтому здесь с первых дней установления советской власти большевики проводили политику расширения и укрепления своего влияния среди дехканства. В этом деле особо важная роль отводилась кишлачным партийным организациям. В связи с этим большое внимание уделялось созданию и укреплению низовых партийных организаций в сельских районах края. Эта работа особенно усилилась после создания Узбекской ССР.

Ко времени образования компартии Узбекистана в республике имелась 221 кишлачная партийная ячейка, в списках которой числились 4708 членов партии[41]. На каждую партийную ячейку приходилось в среднем по 20 коммунистов. В тот период в большинстве кишлаков Узбекистана не были созданы партийные организации. Партийное руководство посчитало, что для Узбекистана, имевшего десятки тысяч кишлаков, наличие 221 ячейки совершенно недостаточно. В связи с этим ЦК РП(б) жестко потребовало от ЦК КП(б)Уз резко увеличить количество и кишлачных партийных ячеек, и членов партии в них. Это противоречило их же указанию о приеме в партию только воспитанных в духе социалистической идеологии передовых представителей бедняцкой и пролетарской части жителей села. В условиях доминирования среди дехканства, особенно в его бедняцкой части, абсолютно неграмотных людей выполнение этой задачи было практически невозможно. Поэтому в кишлачную парторганизацию принимали практически всех желающих, а иногда заочно и нежелающих, даже не поставив их в известность. В то время в Узбекистане были случаи, когда 2–3-летних детей записывали в ряды кишлачных ячеек[42]. Были проблемы не только в приеме, но и в выборе руководителей партийных ячеек. При осуществлении проверок центральным комитетом Компартии Узбекистана в 1925 г. выяснилось, что некоторые руководители не только ячеек, но и более высокого уровня были даже беспартийными, не говоря уже о неграмотности многих секретарей ячеек[43]. Такое положение возникло из-за перехода в выборе руководителей партийных организаций строго на классовые позиции. Свою роль сыграло и стремление руководства к резкому увеличению количества кишлачных ячеек. В придачу ко всему партийное руководство именно в это время стало проводить политику классового, национального и количественного обновления руководителей партийных организаций. Кроме этого курс центра на резкое увеличение общего числа партийных организаций и членов партии еще больше усугубил ситуацию. Если в 1925 г. в составе 221 кишлачной партийной ячейки Узбекистана насчитывались 4708 коммунистов, то в 1929 г. эти цифры показывали соответственно 432 и 10 563[44]. В результате поспешного, неподготовленного и массового приема дехкан и батраков в кишлачные парторганизации в их рядах резко возросло количество кандидатов в члены партии. Так, в Наманганском уезде в ячейке кишлака Пап на 10 марта 1926 г. числились 1 член и 60 кандидатов в члены партии, в ячейке кишлака Аксы-Шахант при наличии 50 кандидатов не было ни одного члена партии. Такое же положение

было в ячейках кишлаков Варза, Бабадархан, Алма и т. д.[45] К тому же их основная масса была абсолютно неграмотная. В то время при приеме в партию преобладал формальный бюрократический подход. В первую очередь учитывали социальное положение. А уровню образования зачастую не уделяли никакого внимания.

Кишлачные ячейки в этот период создавались по территориальному принципу, при сельских советах, что создавало определенные трудности подчинения партийному влиянию организаций и учреждений, расположенных в сельских местностях. Положение изменилось после начала массовой насильственной коллективизации. Теперь стало возможным создавать партийные ячейки непосредственно в производственных коллективах. Этому способствовал приезд в сельские районы коммунистов-рабочих, многие из которых стали председателями колхозов и секретарями партийных ячеек[46].

Первая колхозная партийная ячейка появилась к началу 1929 г. в Сурхандарьинском округе. По мере увеличения числа колхозов росло количество партийных ячеек при них. На 1 января 1929 г. по всей республике насчитывалось 473 кишлачных ячейки и кандидатских группы. Из них всего 1 ячейка являлась колхозной, 5 — совхозными и 467 были созданы при сельсоветах. К началу 1933 г. в кишлаках существовала уже 2371 ячейка и кандидатская группа. Из них 1600 были организованы в колхозах, совхозах и МТС. А партийных ячеек сельсоветов осталось только 144[47].

Таким образом, к середине 1930-х гг. абсолютно большая часть партийных ячеек и городов и сельских районов имели производственный принцип строения. Это позволило взять под непосредственный контроль Коммунистической партии не только общественно-политическую и духовную жизнь жителей республики, но и весь процесс промышленного и сельскохозяйственного производства в Узбекистане. Это означало полное и безоговорочное утверждение командно-административных методов управления в Узбекистане. Так постепенно по всей республике происходило превращение низовых партийных организаций в опору командно-административной системы, сформированной к началу 1930-х гг.

Кроме этого, в партийных организациях страны, в том числе и Узбекистана, в исследуемый период процветала процентомания, механическая подгонка национального и социального состава под установленные сверху пропорции. Это снижало уровень образования коммунистов Узбекистана. Организованные различные курсы ликвидации неграмотности и партийной учебы из-за нехватки и слабости преподавательского состава, а также формального подхода к вопросу повышения «политического уровня» коммунистов не были способны улучшить ситуацию. В результате всего этого общеобразовательный уровень партийных организаций снизился. Создается впечатление, что центр этого добивался специально. Ибо такую организацию можно было повернуть в любом направлении, что и проявилось в полной мере в 1937 г.

[1] Частично материалы данной статьи опубликованы в журнале «Теоретическая и прикладная наука» (Teoretical & Applied Science) (2020. № 7. С. 479–484).
[2] *Голованов А.А.* Крестьянство Узбекистана: эволюция социального положения (1917–1937). Ташкент: Фан, 1992. С. 26.
[3] *Бофора Д.* История Советского Союза. Т. 1–2. М.: Международные отношения, 1990. С. 63.
[4] Ўzbekiston tarihi. Birinchi kitob (1917–1937 jillar). Toshkent: Ўzbekiston, 2019. С. 38.
[5] Ўz.R. PDA, 60-fond, 1-rўjhat, 1-jirma zhild, 28-varak. (b.d.).
[6] Ўzbekistonning jangi tarihi. Ikkinchi kitob. Ўzbekiston sovet mustamlakachiligi davrida. Toshkent: Shark, 2000. С. 67–68.
[7] *Генчке Л.В., Турсунов Н.Т., Юсупов Ж.Л.* Развитие коммунистических организаций и в условиях перехода к социализму, минуя капитализм. Ташкент: Узбекистан, 1985. С. 56–57.
[8] История коммунистических организаций Средней Азии. Ташкент: Узбекистан, 1967. С. 231.
[9] Ўz.R.PDA, 60-fond, 1-rўjhat, 495-jirma zhild, 8-varak.
[10] История коммунистических организаций Средней Азии. С. 232.
[11] Ўz.R.PDA, 60-fond, 1-rўjhat, 93-jirma zhild, 2-varak.
[12] История коммунистических организаций Средней Азии. Ташкент: Узбекистан, 1967. С. 266–267.
[13] *Бофора Д.* История Советского Союза. Т. 1. С. 266.
[14] *Вексельман М.И.* Документальные источники по истории установления советской власти в Узбекистане. М., 1964. С. 13.
[15] История коммунистических организаций Средней Азии. С. 271.
[16] *Абдусаттаров Г.С.* Из истории строительства местных организации Компартии Туркестана. Ташкент: Фан, 1984. С. 8–9.
[17] Toshkent xokimligi arhivi, 18 fond, 1- rўjhat, 4- jirma zhild, 6, 7, 14-17, 19-20 varaklar.
[18] Ўz.R.PDA, 60-fond, 1-rўjhat, 120- jirma zhild, 1- varak.
[19] *Генчке Л.В., Турсунов Н.Т., Юсупов Ж.Л.* Развитие коммунистических организаций и в условиях перехода к социализму, минуя капитализм. С. 59.
[20] Ўz.R.PDA, 25-fond, 1-rўjhat, 7-jirma zhild, 5-varak.
[21] *Абдусаттаров Г.С.* Из истории строительства местных организации Компартии Туркестана. С. 12.
[22] Ўz.R. PDA, 60-fond, 1-rўjhat, 134- jirma zhild, 21- varak.
[23] Резолюции и постановления съездов Коммунистической партии Узбекистана. Ташкент, 1968. С. 44.
[24] История коммунистических организаций Средней Азии. С. 569.
[25] Российский государственный архив социально-политической истории. Ф. 17. Оп. 167. Д. 183. Л. 76.
[26] КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК. Т. 2. М.: Политиздат, 1984. С. 214.
[27] Первичная партийная организация. Документы КПСС. Послеоктябрьский период. М.: Политиздат, 1974. С. 13.
[28] За партию. 1927. № 2. С. 101.
[29] *Абдусаттаров Г.С.* Из истории строительства местных организации Компартии Туркестана. С. 99.
[30] Там же. С. 100.
[31] Ўz.R. PDA, 56-fond, 1-rўjhat, 823- jirma zhild, 16- varak.
[32] Ўz.R. PDA, 60-fond, 1-rўjhat, 4185- jirma zhild, 9- varak.
[33] Ўz.R. PDA, -0fond, 1-rўjhat, 401- jirma zhild, 64- varak.
[34] Коммунистическая партия Узбекистана в цифрах. Ташкент: Узбекистан, 1979. С. 19–20.
[35] Там же. С. 21.
[36] Там же. С. 19–21, 42, 43.

[37] Там же. С. 57.
[38] Там же. С. 56.
[39] *Генчке Л.В.* Идейно-организационное укрепление компартии Узбекистана в условиях перехода к социализму. Ташкент: Узбекистан, 1981. С. 34–35.
[40] Коммунистическая партия Узбекистана в цифрах. С. 52, 53.
[41] Там же. С. 22.
[42] *Насруллаев М.И.* Регулирование национального состава партийных организаций Узбекистана // Из истории деятельности Коммунистической партии по осуществлению ленинской национальной политики в Узбекистане: Сб. научных трудов. Самарканд: СамГУ, 1989. С. 18.
[43] Правда Востока. 1925. 26 авг.
[44] Коммунистическая партия Узбекистана в цифрах. С. 22, 42.
[45] *Насруллаев М.И.* Регулирование национального состава партийных организаций Узбекистана. С. 18.
[46] *Генчке Л.В., Турсунов Н.Т., Юсупов Ж.Л.* Развитие коммунистических организаций и в условиях перехода к социализму, минуя капитализм. С. 31.
[47] Там же. С. 34, 36.

References

ABDUSATTAROV G.S. *Iz istorii stroitel`stva mestnyh organizacij Kompartii Turkestana.* Tashkent: Fan, 1984.

BOFORA D. *Istorija Sovetskogo Souza.* 1–2 tom. Moscow: Mezhdunarodnye otnoshenija, 1990.

GENTSHKE L.V. *Ideyno-organizatsionnoe ukreplenie kompartii Uzbekistana v usloviyax perexoda k sotsializmu.* Tashkent: Uzbekistan, 1981.

GENTSHKE L.V., TURSUNOV H.T., JYSUPOV Je. Jy. *Razvitie kommunisticheskih organizacij v uslovijah perehoda k socializmu, minuja kapitalizm.* Tashkent: Uzbekistan. 1985.

GOLOVANOV A.A. *Krest`janstvo Uzbekistana: jevolucija social`nogo polozhenija (1917–1937).* Tashkent: Fan, 1992.

Istorija kommunisticheskih organizacij Srednej Azii. Tashkent: Uzbekistan, 1967.

Kommunisticheskaya partiya Uzbekistana v sifrax. Tashkent: Uzbekistan, 1979.

KPSS v rezolucijah I reshenijah sezdov, konferencij i plenumov CK, tom-2. Moscow: Politizdat, 1984.

NASRULLAEV M.I. *Regulirovanie natsionalnogo sostava partiyniv organizatsiy Uzbekistana //* Iz istorii deyatelnosti kommunisticheskoy partii po osuscshestvleniyu leninskoy natsionalnoy politiki v Uzbekistane. Sbornik nauchnix trudov. Samarkand: Izd-vo SamGU, 1989.

Pervichnaya partiynaya organizatsiya. Dokumenti KPSS. Posleoktyabrskiy period. Moscow: Politizdat, 1974.

Rezolucii i postanovlenija s`ezdov Kommunisticheskoj partii Turkestana. Tashkent, 1968.

VEKSEL`MAN M.I. *Dokumental`nye istochniki po istorii ustanovlenija sovetskoj vlasti v Uzbekistane.* Moscow, 1964.

YUSUPOV E., GENTSHKE L., TURSUNOV N. *Kommunisticheskaya partiya Uzbekistana vo glave sotsialisticheskogo stroitelstva v respublike.* Tashkent: Uzbekistan, 1977.

Ўzbekiston tarihi. Birinchi kitob (1917–1937 jillar). Toshkent: Ўzbekiston, 1993.

Ўzbekistonning jangi tarihi. Ikkinchi kitob. Ўzbekiston sovet mustamlakachiligi davrida. Toshkent: Shark, 2000.

ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ

М. И. Насруллаев. К вопросу о создании и расширении сети низовых организаций Компартии Узбекистана и их роли в укреплении командно-административной системы (1917–1937 гг.) // Петербургский исторический журнал. 2021. № 3. С. 86–102

Аннотация: В статье на основе изучения архивных материалов, периодической печати и нового осмысления научных трудов, опубликованных в советский период, освещаются вопросы, связанные с созданием низовых партийных организаций коммунистов в Узбекистане. Материалы, собранные автором, свидетельствуют, что среднеазиатский регион вообще не был готов для осуществления большевистского эксперимента по переустройству общества. Он был выполним только путем применения насильственных методов со стороны советской власти. И в этом деле главную роль должны были играть партийные организации. Поэтому большевистский центр для выполнения этой задачи большое внимание уделял созданию и расширению сети коммунистических организаций края и их низовых структур. Для этого он отошел даже от некоторых уставных и программных установок, принимая в партию неграмотных и лиц, имеющих религиозные убеждения. В статье также раскрывается роль и значение низовых парторганизаций в укреплении командно-административной системы в республике. Анализируются формы и методы, примененные для выполнения этой задачи.

Ключевые слова: переворот, партийная ячейка, рабочее ядро, местное население, командный строй, производственные ячейки, диктат.

FOR CITATION

M. I. Nasrullaev. On the issue of creating and expanding the network of grass-roots organizations of the Communist Party of Uzbekistan and their role in strengthening the command and administrative system (1917 1937) // Petersburg historical journal, no. 3, 2021, pp. 86–102

Abstract: The article, based on the study of archival materials, periodicals and a new understanding of scientific works published during the Soviet period, highlights issues related to the creation of party organizations of communists in Uzbekistan. The materials collected by the author indicate that the Central Asian region was not at all ready for the implementation of the Bolshevik experiment on the reconstruction of society. It was feasible only through the use of violent methods by the Soviet regime. And in this matter, the party organizations were to play the main role. Therefore, the Bolshevik center, in order to accomplish this task, paid great attention to the creation and expansion of the network of communist organizations in the region and their lower structures. To do this, they even moved away from some statutory and program guidelines, accepting illiterate people and persons with religious convictions into the party. The article also reveals the role and importance of party organizations in strengthening the command-administrative system in the republic. The forms and methods used to accomplish this task are analyzed.

Key words: *coup d'etat*, party organization, working core, local population, command system, production party organizations, violence.

Автор: **Насруллаев, Махмуджон Ибадуллаевич** — к. и. н., доцент кафедры истории Узбекистана Самаркандского государственного университета.

Author: **Nasrullaev, Mahmudjon Ibadullaevich** — Candidate of Historical Sciences, Associate Professor of the Department of History of Uzbekistan Samarkand state university.

E-mail: mnasrullaev54@mail.ru